

деятельностью согласуется все-таки предметная и все-таки еще слишком «чернорабочая» деятельность адептов?

ЕСЛИ ВСЕРЬЕЗ отнестись к предшествующим мнениям, одной только алхимии, включенной в состав христианской культуры средних веков, было бы более чем достаточно, чтобы разрушить привычный стереотип об унылой однородности этой грандиозной тысячелетней эпохи. Всякий непредубежденный историк мог заметить и замечал цветную многослойную гетерогенность средневековой культуры, не распадающейся на отдельные спектральные полосы исключительно благодаря необычной силе напряженной духовности, сплавающей многоголосие и многоцветие средних веков в слаженный полихроматический хорал *готического собора*. Н. В. Гоголь, интересовавшийся европейскими средними веками, составивший специальную лекционную университетскую программу по курсу истории средних веков, верно чувствовал средние века величественными, как колоссальный готический храм; темными, мрачными, как его пересекать один другим своды; пестрыми, как разноцветные его окна, и куча изузуривающих его украшений; возвышенными, исполненными порывов, как его летящие к небу столпы и стены, оканчивающиеся мелькающим в облаках шпичем (1952, 8, с. 25) ⁴.

Но у разнородной средневековой жизни есть действительно разнородные основания в генезисе. Идя в этом отношении за пределы очевидного, Гоголь писал: «Время ее (средневековой истории.— *В. Р.*) считали слишком варварским, слишком невежественным, и оттого-то оно и в самом деле сделалось для нас темным, раскрытое не вполне, оцененное не по справедливости, представленное не в гениальном величии. Невежественным можно назвать разве только одно начало, но это невежественное время уже имеет в себе то, что должно родить в нас величайшее любопытство. Самый процесс слияния двух жизней, древнего мира и нового, это резкое противоречие из образов и свойств, эти дряхлые, умирающие стихии старого мира, которые тянутся по новому пространству, как реки, впавшие в море, но долго еще не сливающие своих пресных вод с солеными волнами» (1952, 8, с. 15).

⁴ Но сильна еще иная, прямо противоположная этой, антидиалектическая традиция, идущая от Возрождения и укрепившаяся в век Просвещения, традиция, позитивистски трансформированная в середине прошлого века. В. И. Герье отметил и такой поворот в европейской медиевистике, выразив его в заостренной форме, воспользовавшись образом готического храма, этой стершейся метафорой западной средневековой культуры: «Подобно тому как над каждым из средневековых городов высоко поднимается его массивный собор со своей, направленной к небу остроконечной башней, так над всю средневековую жизнь царит одно общее, величественное сооружение человеческого духа. Оно теперь обветшало, несмотря на неоднократные реставрации,—число его поклонников, однако, еще очень велико, хотя вместе с тем возрастает и число тех, которым оно мешает и которые хотели бы его снести, чтобы поставить на его место что-нибудь другое по своему вкусу и потребностям — казарму, фабрику или фаланстерий» (Вестник Европы, 1891, 1, с. 172).